

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 1. С. 235–242.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 1. P. 235–242.

Рецензия на книгу / Book Review

УДК 1(091)

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-1-235-242

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ФИЛОСОФИЯ ОБ ИСТОРИИ И СПАСЕНИИ

О книге А. Г. Гачевой «Человек и история в зеркале русской философии и литературы». М.: Водолей, 2021. 700 с.

Ксения Владимировна Ворожихина

Институт философии РАН, Москва, Россия,

x.vorozhikhina@gmail.com,

<https://orcid.org/0000-0002-6500-0357>

Ссылка для цитирования: Ворожихина К. В. Русская литература и философия об истории и спасении // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 1. С. 235–242. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-1-235-242>.

Academic Life. Reviews

RUSSIAN LITERATURE AND PHILOSOPHY ON HISTORY AND SALVATION

Review on A. G. Gacheva “Man and History in the Mirror of Russian Philosophy and Literature”. Moscow: Vodolei, 2021. 700 p.

Ksenia V. Vorozhikhina

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,

Moscow, Russia, x.vorozhikhina@gmail.com,

<https://orcid.org/0000-0002-6500-0357>

For citation: Vorozhikhina, K.V. (2022) ‘Russian Literature and Philosophy on History and Salvation’, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(1), pp. 235–242. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2022-5-1-235-242.

© Ворожихина К. В., 2022

Новая книга известной исследовательницы творчества Н. Ф. Федорова, Ф. М. Достоевского и русского космизма А. Г. Гачевой «Человек и история в зеркале русской философии и литературы» посвящена теме христианского оправдания истории — магистральной проблеме истории русской философии и литературы XIX — начала XX века. Данная тема неразрывно связана с пониманием христианства как религии не только лично-индивидуального, но и всеобщего спасения, то есть религии, обращенной к миру, культуре, природе, космосу. Активное христианство ищет путей преобразования поусторонней жизни через антиэнтропийную деятельность человека (искусство, литературу, философию, науку, политику), чаёт наилучших форм общежития и, таким образом, «оправдывает» и освящает все сферы человеческой жизни.

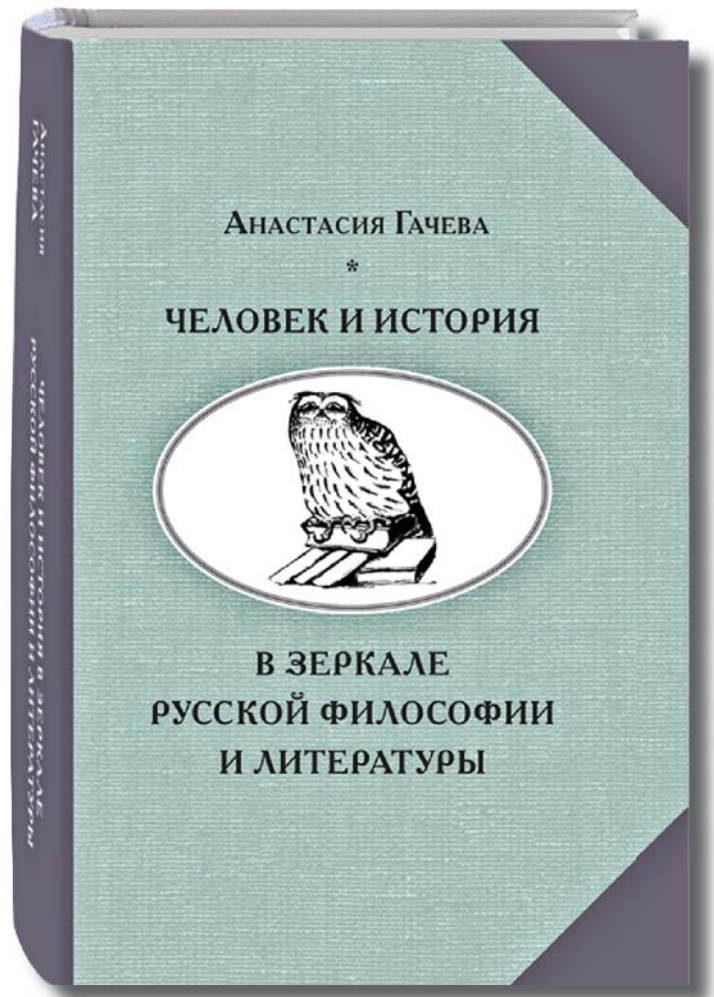
История как «работа спасения»

Мировоззрение целой плеяды русских религиозных мыслителей XIX — первой трети XX века в значительной степени строилось как историософия — философия истории, в которую включены вопросы о человеке, его назначении и деятельной активности, о бытии и познании, о социальном и, конечно, об Абсолюте, «с которым история соотносится в каждый момент своего разворачивания» (с. 16). «Воля к религиозному оправданию истории» (с. 18) свойственна большинству русских христианских мыслителей: ее можно найти в сочинениях И. С. Аксакова, Ф. М. Достоевского, Н. Ф. Федорова, В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, А. К. Горского, Н. А. Сетницкого, Г. П. Федотова, В. Н. Ильина и др.

История в такой оптике предстает как движение от грехопадения, «онтологической катастрофы» (с. 17), нарушившей гармоничный строй мироздания, «введшей в бытие смерть и рознь» (там же), к Искуплению и Боговоплощению, которыми были оправданы и искуплены человек, мир и материя, а затем — к новому преображенному порядку жизни, где не будет смерти, — к Царству Божию. Федоров видел направление движения истории от «истории как факта», сущность которой во «взаимном истреблении», эксплуатирующем, потребительском отношении людей друг к другу, к природе и миру, — к «истории как проекту», ищущей для себя новых путей, и в конечном итоге к «истории как акту», то есть к всечеловеческому деланию, воплощающему проект и осуществляющему общее дело.

Историософия активного христианства предопределяет антропологию: история «как проект» и «как акт» требует человека-деятеля, который, преображая себя, преображает всё вокруг; человека-творца, продолжающего Боже-

ственное дело творения; человека-соратника, ищущего спасения для всего и для всех соборными силами человечества в синергии с Богом; человека, устремленного в будущее, но помнящего прошлое. Преображающая и воскрешающая память, согласно Гачевой, — это «онтологическое действие» (с. 102), преодолевающее время и смерть, — является движущей силой истории и основанием активного творческого христианства. Оптимистическая историософия предполагает наличие высшего смысла в истории, которая понимается не просто как время ожидания конца, не как временной отрезок, в котором хаотично сменяют друг друга события, но как время делания, творчества, созидания культуры и — строительства Царства Божия, являющегося целью истории.

Христианская политика:

Троица как образ совершенного социального устройства

Средством приближения Царства Божиего и преобразования истории является христианская политика. Автором понятия «христианская политика» является В. С. Соловьев, но идеи, связывающие политику, нравственность и религию, появляются уже в сочинениях его предшественников — П. Я. Чаадаева, славянофилов, Ф. И. Тютчева, Ф. М. Достоевского. Достоевским были обозначены два важнейших принципа христианской политики. Во-первых, «принцип единства нравственных требований, выдвигаемых к лицу... и к государственному и народному целому...» (с. 208), то есть, согласно писателю, социальная общность (государство, нация, человечество) является субъектом нравственных отношений, аналогичных межличностным. Это дает возможность говорить об идее нравственного долга социальной общности и предполагает

оценку ее действий с точки зрения морали. Разрыв между нравственными требованиями к личности и к общественному целому приводит к двойной морали, когда личности приходится выбирать — служить Богу или кесарю, возникает несоответствие между христианским благочестием и языческой общественностью. Во-вторых, «принцип соответствия цели и средств» (там же): лишь «благие, абсолютные средства» (там же) служат достижению абсолютной цели и «целостного идеала». Использование других — относительных — средств не оставляет человечеству шанса вырваться из цикла бесконечного возвращения к несовершенному Граду Земному. Политическая деятельность, согласно бентамовскому принципу утилитарности, ведет в «ад обособления и противоборства» (с. 257), толкает к «войне всех против всех»; исполнение евангельской заповеди любви («Да любите друг друга» (Ин. 13:34)) направляет историю к преодолению национальной обособленности, национального эгоизма и к созданию всечеловеческой общности.

Сущность христианской политики состоит в том, чтобы поверять политическое и социальное христианской любовью и созидать общество по образу божественной Троицы: исполняя евангельский закон, общественные институты и механизмы преобразятся, и всеслужение, взаимопомощь, бескорыстие, любовь, братство станут нормой межличностных, социальных и международных отношений. Задача христианства состоит в том, чтобы объединить весь мир в «совершенный организм богочеловечества» (с. 230), органами (совершенно различными и совершенно необходимыми) которого являются все народы земли.

Главная тема историософии XIX века — противостояние России и Запада — с позиции активно-творческого христианства получает не историческое и геополитическое, а аксиологически-религиозное осмысление. Согласно русским христианским мыслителям, Россия и Запад предлагают два разных идеала истории: секулярного строительства общественной жизни, основывающегося на самодовлеющем человеческом Я, — и богочеловеческого строительства Царства, имеющего опору в Боге; земной идеал растущего материального потребления, сытости и комфорта — и религиозный идеал, устремленный за границы истории. Восточный и славянский вопросы решались мыслителями именно в таком — религиозно-метафизическом — ключе: тютчевская славяно-греко-латинская империя была религиозным, а не этническим союзом, построенным на единстве веры, а не крови; Достоевский считал славянский союз «первым собиранием» на основе свободы и братства, который впоследствии должен включить в себя Европу и весь мир.

Русские мыслители подчеркивали, что за несовершенством социальной жизни скрывается нечто большее, чем бедность, социальная несправедли-

вость, ущербность законов. За злом социальным стоит всеобщее зло и несовершенство — стихийность и слепота природной жизни, «косность и непродуманность материи, смертность» (с. 20). Они понимали, что пока «смертный закон царствует в мире, он будет для человека неиссякающим источником дисгармонии» (там же), и потому считали необходимым бороться не с последствиями зла, но с самим несовершенством мира.

Историософский пессимизм и эсхатология

Исследование Анастасии Гачевой крайне синтетично, оно нацелено на то, чтобы вобрать и «оправдать» другие точки зрения и концепции, обнаруживающие «дробные», то есть несовершенные, идеалы. Однако и в ее исследовании есть свои «антигерои» — Н. Я. Данилевский и К. Н. Леонтьев.

Теория культурно-исторических типов Данилевского подвергается критике за разведение политики и религии и отстаивание утилитарных принципов в политике, за этническое понимание славянского союза, за отказ от Европы и общечеловеческих целей истории, а также за перенесение биологических закономерностей онтогенеза живых организмов на социокультурные образования. Леонтьевский призыв к оставлению исторического поприща, отказ от соборного и богочеловеческого единства и общего дела, «трансцендентный эгоизм», пекущийся лишь о личном спасении, трактуется исследовательницей как историософский пессимизм, который чреват «отчаянием в спасении» (с. 21) и нигилизмом. Христианство Леонтьева созвучно вере отца Ферапонта, зиждущейся на страхе и отвержении мира, которому Достоевский противопоставлял светлое христианство отца Зосимы — религии любви ко всему Божьему миру.

Отрицание политики и общественности, связанное с пессимистичным взглядом на историю, как отмечал Булгаков, «рушит идеал богочеловечности» (с. 243), подталкивает личности к обособлению и атомизации и «лишает будущее созидательной перспективы» (там же). По мнению Федорова и Соловьева, историософский пессимизм несовместим с благой вестью Евангелия, поскольку разделение земного и небесного, божественного и человеческого, трансцендентного и имманентного ведет к нарушению халкидонской формулы о единстве двух природ Иисуса Христа и является полным искажением христианства. Для мироотрицающего христианства, подчеркивает Гачева, Христос становится не Спасителем и Избавителем от смерти, но учителем умирания. Пессимизм закрепощает волю человека, превращает его в социально бездеятельное и пассивное, обреченное существо; история, «брошенная христианством» (с. 28), приходит в тупик.

Теория историософского пессимизма и понимание истории как «работы спасения» предполагают две разных версии конца истории. Согласно первой теории, в конце времен падшая, «апостасийная» история катастрофически прервется Божественным вмешательством, грешный мир сгорит, грешников поглотит геенна огненная и их ожидают вечные мучения, тогда как праведники обретут «новое небо» и «новую землю». Оптимистическое понимание истории и активно-творческая эсхатология уходят от катастрофизма, предполагая постепенное становление Царства Божиего в преображающемся мире и открытие для *всех* врат в Новый Иерусалим.

Об этих двух типах эсхатологии — катастрофической и активно-творческой, — согласно истолкованию Анастасии Гачевой, идет речь в сочинении «позднего» Соловьева «Краткая повесть об антихристе». Многие исследователи прочитали эту повесть как отказ философа от своих прежних идеалов (в частности, Е. Н. Трубецкой, от которого идет традиция такого понимания) — как свидетельство «крушения теократии» и перехода на позиции исторического пессимизма в духе Леонтьева. Однако, как отмечает Гачева, на самом деле Соловьев здесь разоблачает «идею внешнего, поверхностного согласия людей и народов» (с. 239), мнимого единства, не проникнутого духом истинной любви. Философ показывает, что секулярный прогресс есть симптом конца истории. Соловьев не отказывается от идеи *подлинного* единства людей и народов, то есть единства во Христе, которое он изображает в союзе православного старца Иоанна, римского папы Петра и протестантского профессора Паули.

Сторонники активно-творческой эсхатологии трактовали катаклизмы, «глади и пагуби» Откровения Иоанна Богослова не как будущее, которое ждет нас в конце времен, а как настоящее, то есть как образ падшей истории, идущей по ложному пути. Они считали, что Страшный суд уже творится над миром: образ великой блудницы Достоевский связывал с цивилизацией; Федоров считал, что апокалиптический зверь — это сами люди в непретворенном апостасийном состоянии.

Миллениум и апокатастасис

Основой активно-творческого эсхатологизма является двадцатая глава Откровения Иоанна Богослова, в центре которой — образ «тысячелетнего царства Христова». Для русских христианских мыслителей миллениум — это вершина истории; он является мостом от падшей истории к всеобщему обновлению в Царстве Небесном. Достоевский полагал, что в миллениуме изменится природа людей, будет обретена целостность, преодолевающая половое разделение и половое размножение. По мнению Федорова, в «эпоху Троицы» произойдет

преображение материи, которая утратит свою стихийность и слепоту, человеческого организма, в котором дух будет управлять плотью, и социального устройства.

Большинство русских христианских мыслителей XIX–XX веков придерживались учения об апокатастасисе — всеобщем спасении (среди них Н. Ф. Федоров, В. С. Соловьев, Ф. М. Достоевский, В. В. Розанов, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Г. П. Федотов, Н. О. Лосский, В. Н. Ильин, А. К. Горский, Н. А. Сетницкий, Д. Л. Андреев и др.). Они полагали, что «идея вечного ада разрушает представление о всеблагости Творца, ставит под сомнение идеал Царствия Божия, обесмысливает бытие и историю» (с. 41). Она противоречит идее «ософииения твари» (там же) и обетованию апостола, что «будет Бог все во всем» (1 Кор. 15:28). Сторонники идеи «восстановления всего» отрицали онтологичность ада и зла: они рассматривали зло не как сущность, а как свойство твари, отдалившейся от Бога; ад виделся им как состояние человеческой души, а значит, зло и ад могут быть преодолены верой и любовью.

* * *

Книга Анастасии Гачевой, представляющая собой, на первый взгляд, классическое исследование по истории литературы и философии, обнаруживает нечто большее — если не философскую систему, то целостный взгляд на историю, Бога и человека, являясь продолжением традиции историософского оптимизма, за которой стоят русские религиозные мыслители XIX — первой трети XX века. «Человек и история...» — книга не только о прошлом русской литературы и философии, но и о настоящем и будущем человечества. Она позволяет взглянуть на актуальные события с точки зрения «метаистории» и «метapolитики» и вписать текущий момент в дрящущую историю Спасения. Особенностью подхода Гачевой является практически полный отказ от критики и полемики (исключение составляет разбор взглядов Данилевского и Леонтьева); в результате голоса философов сливаются в унисон и создается впечатление — до некоторой степени иллюзорное — тождественности и неразличимости их воззрений. Впрочем, методология установления идейных связей, выявления сродства «идей и пониманий» (с. 12), усмотрения общего в теориях и подходах мыслителей «разных эпох, поколений и течений» (с. 13) является, очевидно, сознательным выбором автора. В книге отчетливо слышен призыв, обращенный к читателю: жить исторически — значит творчески-деятельно, не *претерпевая*, а *творя* историю, с Божией помощью «выправляя ее пути» (с. 34).

Информация об авторе: К. В. Ворожихина — кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора истории русской философии Института философии РАН. Адрес: Российская Федерация, 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Information about the author: K. V. Vorozhikhina — PhD in Philosophy, Senior Research Fellow at the Department of the History of Russian Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Address: 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.02.2022;
принята к публикации 1.03.2022.

The article was submitted 10.02.2022;
accepted for publication 1.03.2022.